

Мартина неведомая сила потащила вверх, в облака. Сквозь туман он ничего не разглядел, затем серость сменилась ощущением вязкости и текучести, будто находишься в желе или в меду. Живот плавно тянет куда-то вверх — кажется, что в желудке появилось еще две пары легких, полностью забитых гелием, — затем невероятной силы удар в голову, будто смотришь на мир глазами быка. Великое помутнение. Резкий перепад со светом — стало ярко, тело было выбито из этой вязкости. Мартин упал. Он оказался на черном скалистом камне: весь в ожогах, в крови и в переломах. Боль бегала по всему телу, хотелось дотронуться и проверить каждую его часть, но страх не давал пошевелиться, даже вскрикнуть. Осмотревшись, он понял, что находится на острове из рисунка, найденного прошлой ночью у себя. Мартин лежал неподвижно, начался болевой шок, когда не чувствовалось ничего: ни температуры, ни боли от переломов, ничего. Он заметил, что посередине острова находится холмик, откуда идут паровые испарения. Затем земля задрожала, и из холмика забил колоссальный фонтан пара. Осмотрев себя еще раз, Мартин заметил, что за столь короткое время все ожоги зажили, а кости срослись — словом, осталась только засохшая кровь на одежде. Обойдя весь остров, он подумал, что оказался на острове его собственного разума. Небо было какое-то особенное — светлое и в то же время холодное, как нож, что в собственной

картине, что во сне про кораблекрушение. Волны были большие, страшные, но вокруг острова стояло нечто вроде барьерного рифа с одной стороны, так что создавалась естественная бухта, даже шума волн слышно не было. Вдалеке виднелись верхушки проплывающих мимо айсбергов и льдин. Из-за теплого источника, выходящего в виде потока кипятка, весь остров был окутан паром и покрыт льдом. В своем плаще он не спеша стал смотреть, где находится. Наверное, это смерть пришла за ним, а этот остров и есть подобие чистилища — надо было найти ответы. Зайдя за угол скалы, Мартин увидел гору аккуратно сложенных камней и крест. Мартин обследовал это сооружение и не нашел никаких имен. Его посетили две догадки. «Место это явно взято из моего сна. То же небо, тот же остров, порожденный большим воображением. Скорее всего, это и есть могила капитана Генри Айсберга. Наверное, он всплыл, а моряки из спасательных шлюпок провели погребальную церемонию прямо здесь». Подойдя поближе, он все-таки нашел заглавную букву А, высеченную на одном из камней. Буква А может означать только одно: Айсберг. «Быть может, это такое видение про мою гибель, а сейчас я сам стою перед своей могилой, ведь капитан умер во время кораблекрушения, и после этого никаких снов не было».

На самом деле он был не уверен в родстве с ним — никаких доказательств представлено не было. Никаких упоминаний от родственников про такого капитана он тоже не слышал. В любом случае этот Генри — такая сила, которая его сюда на-

¹ Публикуется в авторской редакции.

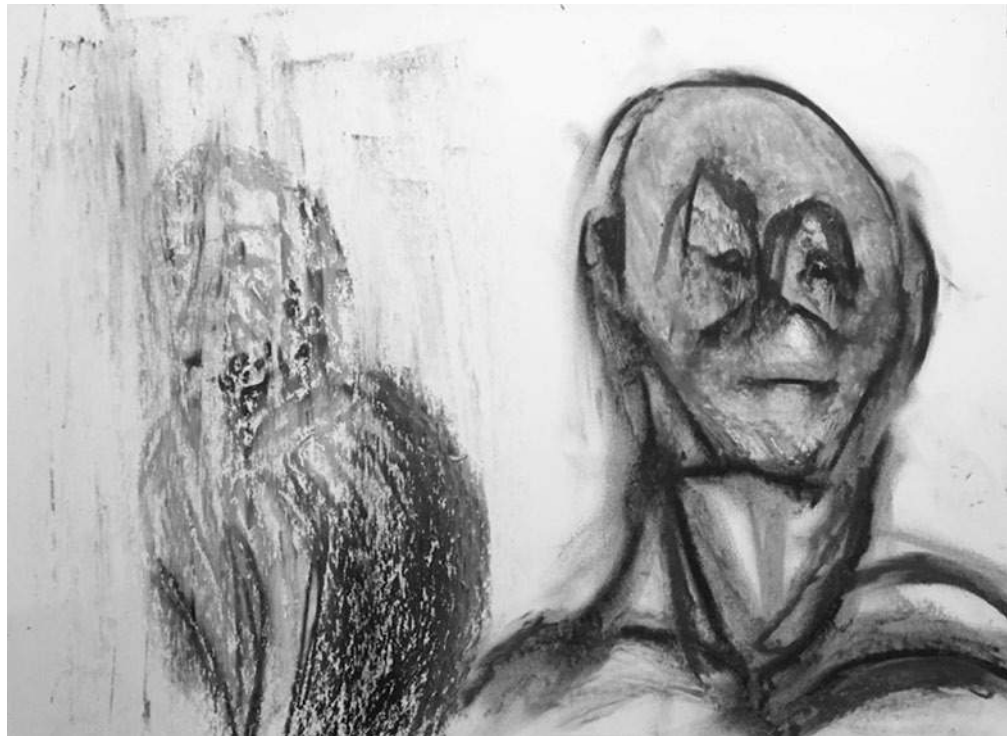
правила смотреть на его или на собственную могилу. Остров можно было обойти пешком минут за десять, если идти осторожно. Возле берега торчали обледенелые голые камни, то там, то тут появлялись небольшие трещины, из которых шел то пар, то газ. Странное ощущение: все вдруг потеряло свой вкус в этом месте: он не испытывал ни холода, от которого тряслась челюсть, ни обжигающего тепла бурлящей под ним лавы. Появилось странное ощущение восприятия этого мира. Осозание утратило былую силу: уже не пахло ни морем, ни серой островного вулкана, ни застывшей кровью на одежде — ничем. Мартин забеспокоился: хоть пить и не хотелось, но он решил попробовать на вкус воду этого бескрайнего бассейна, а заодно проверить ее температуру. Мистер Айсберг нагнулся и зачерпнул руками воду. Вокруг плавали льдины, но вода не ощущалась ни как холодная, ни как соленая. Тогда он зачерпнул еще и еще — и снова ничего не почувствовал. Мартин опустил обе руки в воду по локоть, но она не казалась ему холодной, будто ее и не было. Это озадачило Мартина, он подошел к верхушке вулкана и подставил свои руки к месту, где активно шел пар — никакой реакции! Пришлось подставить руки еще ближе — все безрезультатно. Тогда он поднес руку прямо к отверстию, откуда сочилась раскаленная магма. Результат — почерневшая рука и вздувшаяся кожа на ладони: он смо-

трел, как лопались пузырьки его плоти, а мозг не подавал никаких сигналов боли. Звуков, исходящих от накатовавшихся на берег волн, бурлящей магмы, шипящих на руке пузырьков и даже звука собственного дыхания он теперь не слышал. Постучал пару раз сильно по ушам — безрезультатно. Боли не последовало, зато он заметил, что, пока стоял над этим паром, в глазах появилась дымка, с каждым шагом зрение покидало его. Вдали он увидел ту самую могилу, возле нее удобное место, где можно было посидеть. Направившись к могиле, он споткнулся, упал и стукнулся о камень — боли не было. Он потрогал голову рукой — той, что была в пламени. На ней уже не было никаких следов копти и волдырей, зато вся рука оказалась в крови. Уже совсем ничего не было видно, пришлось ползти до могилы. Вскоре лоб уперся в могильный крест. Тут терпение его лопнуло, все внутреннее его естество взорвалось от безысходности: ему хотелось чувствовать себя самого, чувствовать боль, а значит, осознавать себя живым. Ему стало страшно: что если он и видеть перестанет? Мартин стал давить на глаза, нажимать на них все сильнее пальцами, бить по лицу ладонями, затем кулаками — ему казалось, что боль вскоре проявит себя и видеть он станет лучше. Взяв в одну руку камень, он ударил им о другую — и так множество раз до тех пор, пока не имел лишь отчаяние. Теперь если боль и появится, руку уже не вернуть, но рисовать все еще будет можно — правая, рабочая рука всего лишь держала камень. Отчаявшись, Мартин стал молить Бога, чтобы все это прекратилось, но ответа не последовало. Мистер Айсберг решил его получить во что бы то ни стало и, опустившись на колени, начал молиться: постепенно входя в раж, он бился лбом о камни. Он молил Бога спуститься и показать ему правильный путь. Скоро силы его покинули, вместо боли он ощущал пустоту, вокруг темнота и полное безмолвие.

Ответа не последовало. Мартин лег и открыл глаза, в которых не проявлялось изображение. Казалось, время летело, как вырывающиеся пары гейзера, и одновременно медленно текло, как застывавшая магма. Невозможно было определить, сколько он здесь уже находился, так как солнце не сдвинулось ни на дюйм.

* * *

Моргнув, Мартин очутился на улице: было темно, дождь прекратился, он стоял в пяти минутах от своего дома: в одной руке была лопата, в другой — украденный зонт. «Наверное, лопату я тоже украл», — подумал Мартин. Он был так счастлив,

что вся эта история с островом оказалась чем-то вроде ловушки Генри. Хорошо было вернуться назад, в реальность. Он понял: его сознание пребывало на острове порядка трех часов. Там это время действительно не ощущалось. Мартин начал моргать, щипать себя, прислушиваться к проезжающим мимо автомобилям — никогда он еще не чувствовал себя таким живым. Он шел домой, что-то давило ему на плечи — и тут он вспомнил про своего родственника: полупрозрачный, он сидел на его плечах и глядел по сторонам. Мартин резко отвернулся от него — нельзя, чтобы он заметил. Увидев собственное отражение из витрины аптеки, он понял: черты его лица сильно изменились. Он увидел статную, хотя и полупрозрачную фигуру капитана: его осанка была безупречна несмотря на хромоту, а на такую голову можно было поставить целую библиотеку, и ни одна из книг не упала бы. На вид ему было столько же, сколько Мартину: около пятидесяти. Лицо имело исключительно снобистское, высокомерное выражение. Тот факт, что теперь он нес его на своих плечах, придавало Мартину вид раба — хорошо, что никто, кроме него, этого видеть не мог. То есть когда он сидел на плечах, чувствовал себя добычей в руках опытного охотника, а теперь ощущал груз собственного унижения. Он просто шел и не хотел, чтобы Генри с ним заговаривал.

— Иди спокойно, не переживай, я уже начал узнавать свой сарай, — проговорил Генри.

Мартин был еще в шоке от силы, которой обдала эта галлюцинация, лучше больше не задавать вопросы.

— Лопату и зонт оставь перед домом — никто не возьмет и никто не спросит. Теперь заходи домой, познакомь меня с твоей семьей.

Никого на первом этаже не было, Венди и Сара сидели в своих комнатах. Мистер Айсберг осторожно поднялся к себе на чердак. Раскидав рисунки и вещи, он нашел то самое изображение острова. Тот же пейзаж, те же волны, то же жерло миниатюрного вулкана, но креста видно не было, сколько он ни разглядывал его.

— Это ты нарисовал? — удивился Генри. — Как? Как ты мог успеть это сделать?

— Я не помню.

— Ты был на острове до этого?

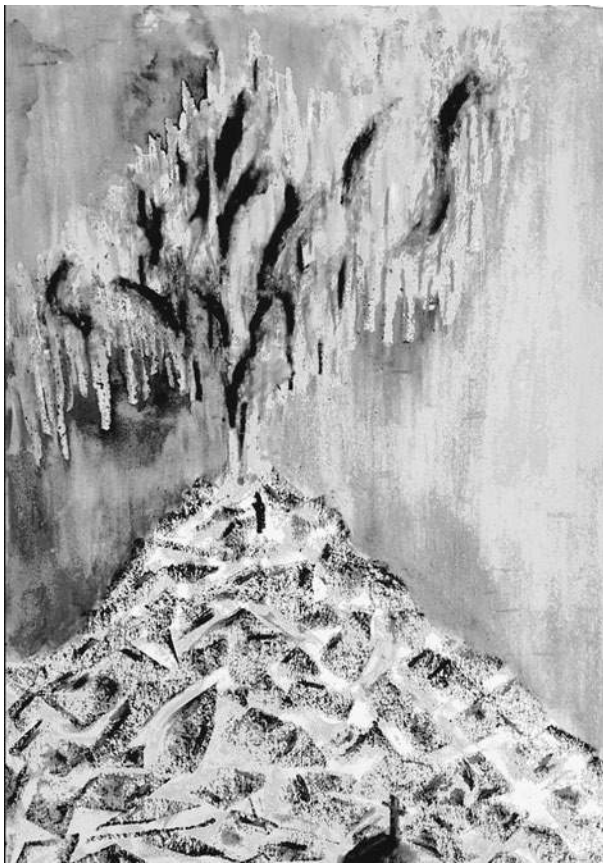
— Никогда. Однажды я перебирал свои картины и нашел это изображение вместе с айсбергом, что меня тоже удивило, — неуверенно ответил Айсберг, он не ожидал, что Генри это заинтересует.

— Покажи, покажи мне все, это важно, безумно важно, теперь и для меня это становится мистикой! — прокричал капитан.

Пока Мартин искал вторую картину, Генри вновь и вновь повторял:

— Это невозможно, невозможно.

На кусок айсберга Генри тоже отреагировал криком:

— Как ты смог такое нарисовать? Откуда ты все это знаешь?

Но Мартин не мог объяснить разгневанному капитану появления этих вещей.

— После той ночи, когда я проснулся с Беки, я пошел домой — там уже лежали эти неведомые мне картины. Уверяю вас, я никогда такого острова не видел до сегодняшнего дня и того айсберга я тоже не видел. И что-то подобное никогда не планировал рисовать, я копиист: повторяю каждый мазок известных художников мира — да Винчи, Эль Греко, Рубенса, Веласкеса, Клода Моне и менее известных, но сказать что-либо об этих рисунках я не могу.

Во время этого откровенного разговора Генри даже сменил тон на более дружественный, так как оба теперь не могли понять, как такое произошло. Теперь, со сменой тона, Мартину хотелось узнать, что это за вулканический остров, где он был.

— Ну что ж, про сам остров рассказывать не буду — долгая история, а про его функцию скажу, пожалуй. Это место, где я провел довольно короткий промежуток времени, но на котором я вновь обрел свою душу. После смерти я туда вновь вернулся, из жерла вулкана я мог смотреть

на моих родственников и ждал, пока кто-то из вас исправит мои ошибки и вернет нашей семье былую славу. Я ждал долго, но никто из вас не собирался ничего делать. Поэтому я здесь. Я тебя отправил на остров, так как хотел, чтобы ты почувствовал мои переживания, больше в них я тебя посвящать не буду, но на острове ты все-таки будешь находиться время от времени — некоторые вещи ты не должен видеть.

— Хорошо, — ответил Мартин.

С такой сильной галлюцинацией нужно было пойти срочно к доктору, к хорошему доктору. Столь длительный эффект можно объяснить проблемами психики, а не шуткой, когда сын подмешивает отцу наркотик в чай перед тем, как выйти за хлебом, а приходит через два дня домой с синей краской на лице и обручами на шее, без носка и без хлеба.

Венди что-то прокричала, и все в доме зашевелилось — настало время садиться за стол. По понедельникам кормили скромно — готовой пиццей.

— Привет, моя дорогая жена, а где наша прекрасная дочь Сара? — спросил Мартин так, чтобы его гостю было понятно, кто находится в доме.

— Садись есть, — сурово ответила Венди. — Где так долго шлялся? Весь промок. Ты хоть понимаешь, что стирать все это мне придется?

— Может, не будем устраивать ссору в присутствии гостей хоть сегодня?

Венди посмотрела вокруг и расхохоталась:

— Ты что? Какие гости у тебя, ты совсем от своих картин там голову потерял, наверное, из-за запаха красок? Нет тут никаких гостей, разве что у тебя в голове, ешь и молчи: за умного сойдешь.

На плечах Генри хохотал во весь голос:

— Ну и жена у тебя, знатный ты подкаблучник, невооруженным взглядом видно, кто в доме хозяин! А дочь где?

— Да она спускается, — ответил Мартин.

— Кто спускается? Что происходит? Ты ненормальный, твои мозги опускаются прямо до уровня кротов, тебе сказали — иди ешь.

От этих слов у Генри началась истерика, он еле сидел на плечах.

— Ну, у вас тут не соскучишься, как вы друг другу подходите, прямо инь и ян! Может, я помешал?

— Может! — грозно сказал Мартин и испугался, так как понял, что опять говорит вслух.

— Чего может? Кто может? У нас в холодильнике пусто, кто-то, наверное, и может его заполнить, но никак не ты, пока сам с собой разговариваешь.

— Да я просто, просто, просто... — Глаза Мартина забегали, он пытался найти ответ.

— Подождите, кто это?!

— Привет, Сара, моя дорогая!

— Здравствуй, папочка, — ответила она отстраненным голосом.

— Это твоя дочь? Я не верю, это нечто божественное, в ангелов, действительно, невольно начинаешь верить, смотря на такую, как она! Ты сделал много копий, а это лучшая твоя работа, причем неповторимая!

Пока дочь искала чай на кухне, Мартин спросил шепотом:

— А можно разговаривать с вами про себя?

— Как видишь, я могу говорить все что угодно, и мой голос слышен только тебе. Но тот, кто контролирует тело, контролирует и голос, поэтому я не хотел, чтобы мы разговаривали, особенно на улице, не хочу, чтобы хоть кто-то заподозрил меня в сумасшествии. Если нужно что-то спросить, уходи в другую комнату.

Мартин пожелал дочке спокойной ночи. После этого он стал показывать все свои рисунки гостю. Тот остался всем доволен, похвалил некоторые работы, сказал, что мог бы запросто поверить, что перед ним оригинал. За это хобби Генри зауважал своего потомка — с таким человеком можно было работать, из этого материала может выйти что-то дельное.

* * *

За окном послышался шум дождя. Если теория верна, то раздвоение сознания начиналось прямо сейчас. Действительно, Генри спрыгнул вниз и оказался внутри Мартина, в то время как хозяин тела становился гостем. Он медленно взлетел над самим собой, но уже будучи полупрозрачным.

— Ну как ты, Мартин, готов? — с воодушевлением спросил капитан (в голосе чувствовались бодрые нотки, он, видимо, долго ждал своего выхода, на плечах не очень любил сидеть).

— К чему, простите, готов? Сейчас ночь, а мне завтра на работу, поздно уже.

— Не переживай, я быстро.

Генри взял лопату в руку и произнес:

— Скоро мы еще увидимся, но пока ты не готов смотреть на это.

После этого сознание Мартина полетело вверх, прошло вновь сквозь магму и кипящую грязь. Затем вылетело через жерло гейзера на тот же необитаемый остров. Процедура была уже знакома, боль совсем не чувствовалась, а все ожоги зажили с первым же вздохом. Там он обследовал остров и теперь стоял возле могилы. Так как гость его тела упомянул о скорой встрече, Мартин не

— Просто ты, ты сам знаешь кто, сиди здесь, гостей встречай, а я к себе пойду, не хочу вам мешать. Смотри мне только, ни одного не упусти, — сказала Венди и ушла вместе со своей тарелкой в спальню с таким же важным видом, с каким обычно удалялась с конференции, разоблачив очередного писателя.

Завтра ей предстоял трудный и насыщенный день: она собиралась на лекцию художника в университете по поводу его предстоящей выставки, где он рассказывает о ней. Прийти послушать может каждый желающий — именно этим «желающим» она себя и считала. План такой: войти в доверие к художнику во время этой лекции, задавать больше всех вопросов, хвалить и лебезить так, чтобы он пустил слезу, зауважал столь понимающую в искусстве женщину и отдал бы ей билет на свою закрытую выставку. В ее руках этот билет превратится в лопату, которой она выкопает ему могилу. Поэтому сейчас важен правильный настрой — нужно войти в роль, а такие простакки, как муж, мешают есть и думать. Ей не терпелось положить этого художника на лопатки, ведь она должна восстановить справедливость.

Пожинав и пытаясь забыть о своем госте, Мартин услышал изумленный голос Генри:

переживал, что найдет здесь свою смерть. Отсутствие нервной системы забавляло его: он проби-вал себе голову с разбегу и смотрел, как на глазах кровь останавливается, или разбивал свои руки до костей, но и они заживали быстро. Когда ему все это наскучило, он лег на привычное место, воз-ле могилы неизвестного А., закрыл глаза и уснул крепким сном.

* * *

Мартин пришел в себя на пороге своего дома весь мокрый, ботинки в грязи и траве. Дождь закончил-ся, но с крыш еще падали капли и растекались по лужам. Лопату, которая тоже была в земле, он спрятал под лестницей. Одежда промокла и ско-рее добавляла холода, нежели спасала от него. Выпив пару чашек чая с медом, он ушел спать. Вен-ди ничего не заметила: она спала слаще выпитого чая, похрапывая. Она спала, раскинув руки и ноги, и напоминала неподвижную морскую звезду.

Утром мистер Айсберг торопился на работу, и ему пришлось идти в нечищенных ботинках, покры-тых толстым слоем грязи. Он не понимал, куда делся капитан, — на плечах у него никого не было. Интересно, зачем нужно было брать лопату и ку-да-то идти, что-то закапывать? Все это приводило его в смятение. Одно было понятно: Генри умеет командовать сознанием только во время дождя: отправлять Мартина на остров, чтобы он не мог следить за его действиями. Все, что сделает Генри, будет присвоено ему. Вряд ли его похвалят за эти деяния, что бы это ни было.

Придя в школу, он стал искать врача-психиатра (в его страховку входило посещение психиатра, но только один сеанс). Целый час в год! Должно хватить, чтобы разобраться, чем он болен. Выте-рев детям сопли и слезы, отмыв их пальцы и рот от красок, мистер Айсберг пошел напрямик к врачу. Очередь была небольшая, он сидел и ждал в глу-боком мягком кресле, проговаривая, как объяс-нит свой недуг. Его терзали сомнения, насколько он все-таки болен, опасен он для общества или некая польза от такого персонажа есть. Он заго-ворил шепотом:

— Мистер Айсберг, где вы? Вы слышите? — произнес Мартин и увидел, как люди в очереди покосились на него.

Нельзя себя выдавать, надо придумать способ общения. Тут он вспомнил о наушниках в карма-не. Он надел их и подключил к телефону. Теперь можно было разговаривать в любом людном ме-сте. А может, он не один такой? Может, есть и другие люди, которые тоже разговаривают сами

с собой, но в наушниках? Если так, то с таким со-знанием можно спокойно жить. Он проверил прогноз погоды на телефоне. Через час обещали дождь, значит, разговор с врачом займет около получаса. Не нужно знакомить доктора с Генри, не то его отправят в клинику.

Подошла очередь Айсберга. Он вошел в каби-нет, поздоровался с врачом, рассказал, что пару раз терял память и не понимал, каким образом мог проснуться в другом доме, с незнакомым че-ловеком. Он многое недоговаривал, надеясь, что доктор сам догадается, ведь Генри уже сидел пря-мо на плечах.

В это время Генри нашептывал копиисту, что нужно поскорее уходить, что здесь им делать нечего. Нечего делать такому великому, подаю-щему надежды человеку, как Мартин. Стоит по-верить капитану: он здесь для блага семьи, желает всем только любви и добра. Генри объяснял, что не может показать, чем занимается, так как всего лишь проявляет родственную заботу. Если Мар-тин решится проболтаться про своего родствен-ника, он обязательно попадет с психбольницу, где талант копирования безвозвратно исчезнет, а сам он так и останется сидеть на своем месте, ведь у него миссия. Слово «миссия» застряло в его го-лове, пока он разговаривал с доктором о причи-не своего визита. Доктор начал догадываться, что мистер Айсберг — тяжелый алкоголик, его уста-лый вид тоже совпадал с его диагнозом. Когда он узнал, что пациент находится в завязке, дал ему парацетамол, приказал купить снотворное и спать по полдня. Больше ничего сказать не мог ни паци-ент, ни доктор.

— Это была хорошая проверка? — спросил Мартин. — Теперь, когда я должен был расска-зать все как есть? Теперь ты мне доверяешь?

— Это было впечатляюще. Мне нравится тво-е рвение завоевать мое доверие, но еще прошло мало времени. Могут возникнуть ситуации, когда ты сочтешь мои методы варварскими.

— Так мы можем поговорить?

— Да, пока я находился в этом теле, у меня на-копилось много вопросов про время, в которое ты живешь. Расскажи мне про него, расскажи, что случилось за последние сто лет!

Мартин напряг память и начал рассказывать про то, что мог вспомнить из школьных уроков и случайно услышанных разговоров. Он начал с того, как распались величайшие империи во время Первой мировой войны, как появились новые госу-дарственные строи: коммунизм в России, фашизм в Италии, нацизм в Германии, капитализм в Аме-рике и в Старом Свете. Это привело ко Второй ми-

ровой войне, где остались два строя, коммунизм и капитализм. Затем разыгралась холодная война, придуманная Америкой и выигранная ею же. Во время последнего столетия были сделаны великие открытия, техника шагнула вперед. Появился кинематограф со звуком, оттуда и голубой экран (телевидение). Человек смог полететь в космос, общаться с кем угодно, находящимся на другой планете; почти все болезни побеждены, отчего население планеты растет. Эти люди вместе с этим небом могут вмиг превратиться в пепел из-за атомного оружия, взрыв которого похож на гигантский гриб. Потом Мартин вспомнил про ДНК, но не знал, как объяснить это явление, так как сам не очень владел точной информацией. Он сказал, что это данные в каждом человеке, которые хранят всю информацию о его образе жизни, болезнях и родственниках, которые можно найти даже в волосах. Если бы Генри имел свои останки или показал бы свою могилу, можно было бы определить, насколько их данные совпадают с ныне живущими Айсбергами. Затем он добавил еще пару научных открытий в области биологии и ее инженерии: можно было иметь детей от мертвых людей или от бесплодных женщин, используя все те же частички информации, которыми пропитано человеческое тело. Все остальное, что может заинтересовать Генри в этом мире, лучше узнать, бороздя не волны океанов, а волны Интернета — мировой библиотеки, которая находится дома или в кармане.

Все это время Генри останавливал собеседника, задавая вопросы. Многое действительно шокировало его или как минимум поразило. Беседа продолжалась до позднего вечера, все это время они гуляли, сменяя друг друга, поочередно садясь друг к другу на плечи вместе с приходящим дождем.

Сильнее всего его поразила развал великой Английской империи. Тот факт, что многие эти открытия, такие как ДНК, были сделаны британскими учеными, не удовлетворяли Генри. Он же был подданным Ее Величества королевы Виктории, плавал во имя прославления ее имени по морям. Заезжал то в Китай, то в Индию, считая почти все земли, омывающие Индийский океан, собственно-стью Британской короны. Эти мысли не выходили из его головы, он выглядел подавленным.

— Как мы добровольно согласились отдать свою мощь и власть, с помощью которой и была построена вся Великобритания, просто потому, что кто-то захотел суверенитета? Зачем я все это делал? Зачем мои товарищи умирали, ради чего? Чтобы просто взять и отдать это и забыть?! Мы ве-

ликие люди с маленького острова, наш флот боялись и прославляли, мы сеяли добро и свет, приобщали инородные племена к цивилизации — ради их собственного суверенитета? Это предательство, неприкрытое и наглое, — сказал он, плюнув на мостовую. В момент монолога шел дождь, и власть тела была отдана Генри.

Теперь начинало всплывать все больше данных по поводу дальнего родственника. Это был человек из XIX века, закоренелый империалист. Нужно было увериться в достоверности слов данного родственника, некоего капитана, присягнувшего самой королеве Виктории и несущего людям свет.

После того как Генри высказал свое мнение о сознательной сдаче Англией собственных, честно завоеванных территорий, он начал спрашивать о кинематографе. Сказал, что обожал этот вид препровождения времени с товарищами или очередной дамой сердца. Он и не предполагал, что доживет до момента появления цветного фильма со звуком. Мартин обещал ему, что они вместе посмотрят самые лучшие киноленты последнего столетия. Из этого Мартин сделал вывод, что человек этот жил, скорее всего, в конце XIX — начале XX века, если слышал о данном аппарате. Про фотоаппарат Генри почти ничего не спрашивал, говорил, что и сам любил заниматься производством снимков на память. Он делал фотографии всех мест, которые посещал, у него даже было некоторое время свой личный фотограф, пока он сам не научился этому ремеслу. Его удивило только, что теперь можно получить снимок мгновенно и о нем сразу же узнают друзья.

Про разнообразные экономические строи он задавал вопросы, на которые носитель информации не мог дать вразумительного ответа. В любом случае Генри был удивлен, что труды Карла Маркса так далеко пойдут. Оказывается, из-за трудов одного человека люди готовы убивать друг друга, доказывая, какая из его строк верна.

— Истолкование фактов в личных интересах убивает окружающих, по себе знаю, — поделился Генри.

Про свою могилу он не мог ничего сказать, так как не знал, где его похоронили. Честно сказать, он и, как умер, не помнил, но это точно было во льдах. Значит, тот сон с кораблекрушением был его собственным воспоминанием. Нужно обязательно ехать к тете — посмотреть фотоальбомы.

Пока они шли вместе, у Генри появилась еще пара мыслей, которыми он хотел поделиться. В частности, это были его наблюдения. Он долгое время спрашивал, каким образом город стал таким чистым, особенно на главных улицах, где

народу конца не было видно, но не видно было и мусора. Он предположил, что ночью либо весь город отмывают щетками, либо человека действительно можно обучить некоторым манерам. По поводу крыс спрашивал с недоверием: неужели он так и не встретит ни одной серой крысы, которые бегали по Лондону так же резво, как голуби? Оба согласились, что ненавидели и крыс, и голубей — главные проблемы больших городов и кораблей.

— Наверное, они оттого перевелись, что люди перестали сорить где попало, — подытожил Мартин наблюдения своего гостя.

Помимо открытой одежды у женщин, которых он то и дело путал то с сиротами, то со шлюхами, открытых проявлений чувств он никогда не видел так много иностранцев, сконцентрированных в одном месте.

— Я объездил много стран и всем хвалился, говоря, что наша страна несет свет и цивилизацию. Теперь я начинаю жалеть об этом, так как не просил их сюда переезжать. Впрочем, это уже решать не мне. Все-таки я предпочел бы старую грязь с крысами и голубями взамен этой нескончаемой толпе.

Мартин ужаснулся услышанному: этот человек из другой эпохи, говорит и думает он по-другому. Думает просто и неграмотно, как захватчик, но все-таки во многом Мартин мог частично согласиться с ним. Означает ли это, что он, Мартин, наделен комплексом национальной неполноценности, а не его родственник? Ответа он знать не хотел.

Последнее, что понравилось родственнику из прошлого, — это полная освещенность города, раньше вечером нельзя было и шагу ступить. Либо ограбят, либо просто побьют — нужно было всегда быть готовым к вызову, особенно в южной части Лондона. И, конечно же, он признался, что галлюцинировал или видел мираж, глядя на Шард, так как не мог поверить, что горы могли вырасти прямо в столице. Мартин пообещал показать ему город с последнего этажа здания.

— И все-таки я сумасшедший? — спросил Мартин своего родственника в очередной раз.

— На самом деле нет, это естественный процесс! Тебе было не с кем пообщаться, ты был одинок, я прекрасно вижу, как тебя побил жизнь. Я здесь, чтобы защитить тебя и сделать тебя достойным своей фамилии. Другие тоже разговаривают сами с собой, но скрывают или не ведают того, что это ненормально. Но ты особенный, твой разум настолько велик, что тут вполне достаточно места для нас обоих. Я нужен тебе,

вместе мы будем вершить справедливость. Только пока ты не имеешь права смотреть — это для твоего же блага, для ощущения невинности. Ведь своему потомку я могу желать только добра.

— Так что же такое ты можешь делать, чтобы мне могло не понравиться? Что именно я могу увидеть и рассказать?

— Поверь, ты просто можешь не выдержать, тебе может стать не по себе. Я расскажу все после.

Они пришли домой. Не замечая никого, не ужиная, отправились в спальню, к компьютеру и просторам Интернета. Генри интересовала история с начала XX века.

— Мне сложно описать этот восторг! В стекле я вижу не свое отражение, а целый мир, множество миров и любую информацию, доступную человеку. Я поражен!

— Да, на сегодня это и есть наше главное достижение, надеюсь, вы восхищены?

— Да, теперь получается, я могу быть везде и тут одновременно?!

— Это и есть будущее, — скромно ответил Мартин.

Он сидел за компьютером и монотонно рассказывал, как пользоваться мышью, монитором, как правильно искать. Процесс нравился обоим, капитан схватывал все налету, будто он пришел с улицы, а не из XIX века. Было ли это доходчивое объяснение Мартина, прозорливый ум капитана или простота использования компьютера, было неясно.

— И кто же создал это средство умственного передвижения?

— Холодная война.

Так они просидели до ужина, быстро поели уже остывшую кашу, покрытую толстым слоем пленки, которая была сломлена прикосновением ложки. Венди была обеспокоена, она тряслась и нервничала, вся была красная — похоже, еще пару минут назад она плакала. В глазах ее читались страх и горе. При виде своего мужа она сразу сменила выражение лица и пошла в ванную, чтобы нанести очередной слой косметики, так как от слез вся «штукатурка» намочила и посыпалась. Когда она вернулась, Мартин спросил ее, как прошел день. Он помнил, что она собиралась делать сегодня — пойти на бесплатную лекцию художника в университет, а после, приласкав его комплиментами, отправиться на выставку. Она рассказала, что все было прекрасно. На лекции, как и планировала, она блистала. Только пришла переодеться, как полицейский постучался в дом. Оказывается, вчера ночью на кладбище было обнаружено тело

женщины, убитой тупым предметом и изнасилованной: ни денег, ни документов не взяла. Венди не смогла помочь офицеру. Очевидно, в их районе орудует маньяк. От мыслей быть убитой на кладбище Бромтона, чьи кресты смотрят прямо в окна спальни, Венди стало не по себе. Жертвой была ее подруга и сослуживец по мясокомбинату. Они вместе ходили на выставки, которые ненавидели, и вместе делали сосиски, которые не ели. Потеря была велика: придется идти на похороны, крест будет установлен на месте преступления. Венди попросила своего мужа проводить ее до автобусной остановки, несмотря на его просьбы оставить свое развлечение хотя бы в честь гибели траура и инстинкта самосохранения. Она поведала, что сегодня будет говорить от имени усопшей, а инстинкт тут ни при чем, так как теперь вокруг мертвого тела колесит полиция.

Мистер Айсберг проводил жену до остановки и остановился сам. «Ведь это так странно, что мой покойный родственник ожил во мне и не показывает, куда уходит ночью с лопатой, а наутро его ботинки оказываются все в грязи. Куда делся Генри? За столом он еще сидел на моих плечах, а потом я и не заметил, как он пропал. Должно быть, сидит сейчас на том острове, может, спит. Как разбудить его?»

— Генри, Генри! — кричал мистер Айсберг на всю улицу. — Слышишь меня? Я знаю, кто ты. Ты душегуб, ты ответишь за это!

Мартин был один, кругом ни души: его не слышали ни дома вокруг, ни Генри, он сам слышал себя. Получается, велика вероятность, что этот маньяк он сам. Получается, это он мог убить подругу Венди, — вот зачем Генри понадобились лопата и отключение его сознания. Но убийца не учел один нюанс: его ботинки были все в грязи, а ее можно найти сейчас только на кладбище Бромтона. Возможно, есть и другое объяснение, но все улики указывают на него самого. Зачем убивать друзей жены? «Они, конечно, вместе презирали мою одежду и картины, но это еще не повод убивать». А что если он врет ему и уже выходил вместо него на улицу? Может, он всего лишь прикидывается человеком из прошлого, отважным капитаном и миролюбивым родственником? Иначе он не скрывал бы от него тайны своей биографии. Возможно, он выходил и раньше и провожал домой всех знакомых его жены, а узнал он об этом лишь от Беки. Ведь она их общая знакомая: доставала приглашения всем желающим на любую выставку в Лондоне, только пообщайся с ней. Возможно, следующая жертва должна быть тоже как-то знакома с Венди. «Понятно, врать

на ходу тяжело, вот он и пошел на остров моего сознания — обдумать план действий и детали легенды». Он обладает некоей силой, он может отправить Мартина на остров, где он проведет неизвестно сколько времени или даже останется там навсегда, пока этот маньяк в его теле будет разгуливать по городу с лопатой. Возможно, он (вернее, его сознание) умрет от голода или какой-то болезни на этом острове. Так что говорить ему о своих планах не стоит. Стоит ли теперь идти в полицию? Ведь они могут узнать его по отпечаткам пальцев или той же ДНК. Зря он за компьютером показал ему все достоинства этого открытия. Поэтому он сразу так оживился, заинтересовался, кричал: «Неужели, как же так, получается, у нас с тобой действительно одна кровь?» Все это вздор, если ДНК принадлежит Мартину, это еще не значит, что теперь он должен страдать из-за сомнительного сожителя. Если тело по всем документам принадлежит ему, еще не значит, что этого хотел он.

Все это в первый раз, все это страшно, главное, чтобы Генри, когда вернется, ничего не заподозрил по его настроению. Лучше придерживаться изначальной тактики — быть осторожным. А если не выйдет... Ведь он твердил каждый раз, что хочет Мартину добра, блага и прочего, хочет восстановить справедливость и вернуть славу семье. Его методы семье чужды: орудуя лопатой, можно вернуть только дурную славу, если таковая была. Нельзя это повторить. Ему придется пойти в дом и привязать себя. На этой оптимистичной ноте Мартин решил, что будет следить каждый час за изменением погоды. В дождь он будет приковывать себя замком с кодом — на плечах этот маньяк несильно мешает. Даже если это был не он, в чем Мартин сомневался, не он позвонил в полицию, вопрос был закрыт. Звонили жене. В разговоре с ней он предупредил ее, что скоро начнется дождь и он не может выйти из дому, простыл. Возвращаться опасно, пусть она останется ночевать у какой-нибудь подруги — их у нее целый магазин дешевых подделок.

Дома он проверил прогноз погоды — до дождя оставалось несколько минут, несколько минут до того, как его тело перестанет быть его, несколько минут до того, как появится очередная жертва. Лопата была выкинута на соседний участок, шланг из кладовки и ржавый замок использован для связывания, как мог, он привязал себя к кровати. На окно капнула первая капля, пошел дождь. За его тело вновь взялся Генри.

— Что это происходит? С женой поиграли, сказала?

— Да, наказала. А ты куда уходил, как мне позвать тебя, как сделать так, чтобы мы услышали друг друга? — поинтересовался Мартин.

— Действительно, хороший вопрос. Я тоже ничего не слышал, однако заметил, что гейзер был беспокойный, он постоянно взрывался. Поток воды доходил до отметки того самого высокого здания в городе. Можно ли было предположить, что с тобой что-то не так?

— Да я что-то разнервничался, такого давно не было, теперь все хорошо, — успокоил Мартин и себя, и маньяка.

Генри изящно освободился от шланга, оделся. Как он ни искал, лопаты нигде не нашел, поэтому сел за компьютер, уже самостоятельно. Мартин помогал ему разбираться, чему был рад, — лучше пусть он дома сидит, чем лишний раз подставляет его тело под грех, суд и опасность. Вскоре Мартин сам попросил отправить его на остров, так как на плечах спать не удавалось, а возле неизвестной могилы — в самый раз. Там он еще долго ходил по этим камням, рассматривая, возможно, свою могилу. После того как он позабылся и подпалил себе ногу, Мартин решил на эксперимент: если этот остров и есть картина, то все каждый раз должно оставаться на ней так, как было раньше, до него. Поэтому он взял острый камень и начал писать им на скале: вычертил свое имя. В то время когда последняя буква была написана, все остальные успели исчезнуть — значит, это место имеет только одно время. Хотя и в этом он не мог быть уверен. Вскоре дождь закончился, и Мартин вновь завладел своим телом. Он тут же уснул на клавиатуре.

* * *

Весь следующий день, начиная с утра, дождь не прекращался, за тело отвечал Генри. В дверь постучали. Это был полицейский, он спрашивал, не замечал ли мистер Айсберг чего-нибудь подозрительного вроде криков позавчера ночью. Полицейский рассказал, что случилось: про изнасилование и женщину, про тяжелый предмет и кладбище. Генри говорил, а Мартин подсказывал на первых порах. Он напомнил ему свой точный адрес, номер телефона и почты, но в основном Генри отвечал, что ничего и не знает. Может, он все-таки был не капитаном, а хорошим актером? Если они с ним родственники, скорее всего, его артистичность перешла к нему от Генри. Поблагодарив полицейского, Генри стал с задумчивым видом ходить по комнате.

— Так, на кладбище произошло убийство, значит, придется быть предельно осторожным, что-

бы все прошло удачно, нужно быть начеку, — тихо сказал Генри.

Эта фраза не оставила никаких сомнений — убийца катает его по комнате на плечах. Ничего не поделаешь, придется говорить, но не сейчас. Пока Мартин назвал адрес работы — деньги были нужны, но Генри сказал, что скоро никакая работа им не понадобится.

По дороге они опять разговорились, точнее, Генри делился своими впечатлениями от того, что сам себе поведал.

— Я не очень люблю общение с французами — уж такой я человек, но то, что мы больше не можем быть полностью на острове, меня изумляет. Каков гений человека, что может проложить туннель под Ла-Маншем для поездов, кататься со скоростью света и принимать такие вещи как должное! В свое время, если бы я кому-нибудь об этом поведал, попал бы в сумасшедший дом. Я бы сказал так: все, что происходит в мире, повергает меня в шок, и одновременно приходит осознание того, что так и должно происходить. Поэтому скоро я тоже приму это время!

Он говорил долго, жарко и напористо, потом начал проклинать тот день, когда решил спуститься сюда, узнав, что однополые браки разрешены, а самое популярное имя в Лондоне все чаще становится Мухаммед. В его время тоже встречались люди других национальностей, но он никогда не думал, что у таких людей еще и права должны быть. Политика помощи иммигрантам ему была чужда: появились сомнения в том, что у империалистов имелась хоть капля сострадания, но он был непреклонен. Он хотел видеть Англию, которую потерял, но все еще пытался вернуть, искал ее, бегая из угла в угол. Мартин посоветовал не искать никаких признаков бывшей империи в многомиллионном городе, таком как Лондон. Если он хочет увидеть свое время, стоит выехать за город — в глушь, в поля, где все осталось таким, как раньше. Это доставляло утешение.

— Целоваться они могут и дома, — прохрипел Генри. — А люди, которые сюда приезжают, должны выполнять безоговорочно здешние, устоявшиеся правила, а не менять наши законы под чужие интересы.

— Это новый век, век терпимости, век принятия. Смирись, Генри, и вам станет легче.

— Помню, я как-то попал в плен к китайцам вместе с командой. Почти всех зарезали и отдали свиньям. Оставили нас пятерых, а остался в живых я один. Нас всех должны были рано или поздно преподнести в качестве угощения свиньям, мы должны были быть сломлены и ожидать смерти. Так и

произошло. Моряки перестали меня слушать, они потеряли веру в меня, чувствовали, что я их подвел. Я говорил, что в состоянии исправить и эту ситуацию, но на меня смотрели как на предателя. Меня винили в своей гибели и перестали бороться. Они видели, что происходит с членами команды, как им отрубают все конечности поочередно, вырывают язык и выжигают глаза. Зубы выдергивают один за другим — остаются только уши, чтобы слышать стоны своих товарищей. Моряки проводили недели в душных амбарах, ползая по своим экскрементам, но уже в тишине. Никто не мычал и не сопел. Кому-то повезло — он умер от болевого шока, кто-то дергался в углу, а нам приходилось на это смотреть, нельзя было даже воды принести или хоть как-то помочь. На это представление билеты дали только нам: мы приходили и видели несчастных, слышали их стоны, видели, как мухи сидят на их открытых ранах. Ни они, ни мы ничего не могли сделать — только смотреть. Затем мы наблюдали, как выпускают стадо голодных свиней — их не кормили почти три недели, так как весь корм был отдан ползающим обрубкам и рассыпан по амбару. Свиньи буквально набросились на них — ошметки их тел летали по амбару, слышались только их визг и громкое чавканье. Остальным стало понятно, что скоро с ними станет, а мне нет. И они смирились, так же как люди, живущие в ваше время. Они смирились, а я нет. Я выбрался, потому что жил надеждой спастись во время противного дождя, в то время как остальные иссякли силами, так как потушили сами себя.

— Сейчас не надо ждать смерти, просто надо вместе жить, уважать друг друга, — сказал Мартин.

— Подойди к зеркалу, посмотри хорошенько на свое лицо, похожее на мятое одеяло. Чтобы научиться кого-либо уважать, научись уважать самого себя. Это тяжело, так же как для меня тяжело принимать вашу беспомощность, но мы справимся.

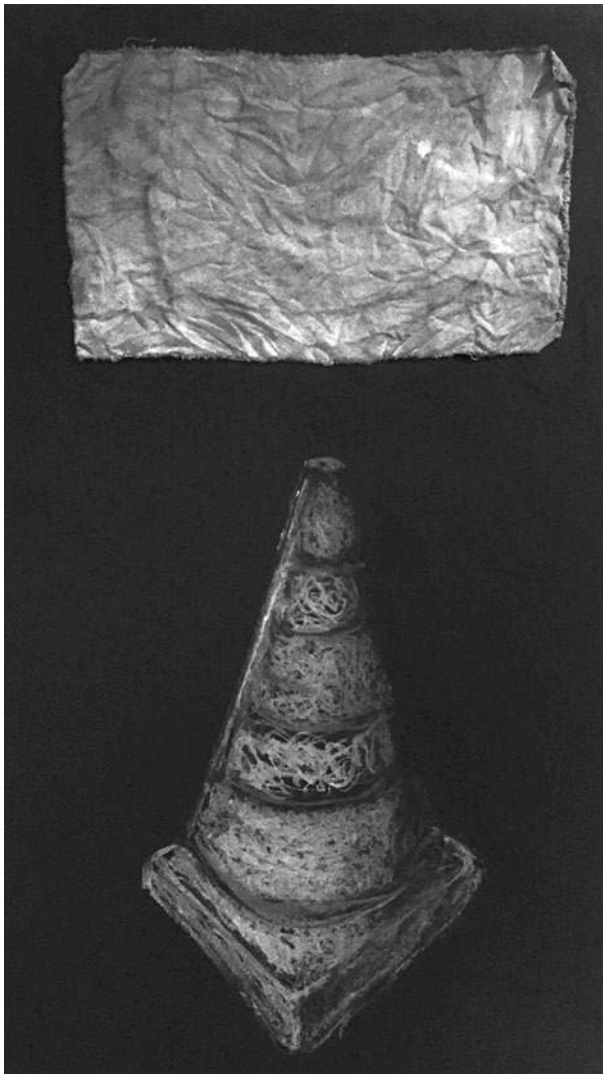
Позже он начал говорить горячо про военную технику, очевидно, эта тема была ему близка. Помимо автоматов и пистолетов, больше всего он полюбил ракеты. Он их сравнивал с управляемым китайским фейерверком. Он уважал только техническое новаторство, любое изобретение, сделанное во вред или на благо.

— Как сказал Парацельс, все есть яд и все есть лекарство, тем или иным его делает только доза. Доза решает все. Пить воду необходимо, иначе умрешь, но человек не в состоянии выпить целое озеро, иначе он умрет. Людей, которые принесли вас сюда через многомиллионные ошибки, вы не

в праве осуждать, так как они принимали решение, а не вы, вы были зрителями. У меня на корабле всегда был человек, любящий покритиковать. Сказать в лицо он не смел, а комментировал у меня за спиной. Но я таких всегда вычислял. Когда видел, что команда перестает быть единым организмом и в нем поселяется гниль, приходилось отрезать кусок-другой. Приходилось прилюдно высекать, но не для сломятия духа, а чтобы уважали и соблюдали иерархию. А сейчас у вас нет никакой иерархии. Происхождение вашей семьи никто больше не ставит на пьедестал, никто не открывает перед нами дверь. Для своей фамилии ты нищий, любой иноземец может оказаться выше тебя по статусу и указать на дверь. Иерархия делает вещи понятными и долговечными — посмотри на великие цивилизации мира: Китай, Индия существуют тысячелетия из-за соблюдения кастовой системы, а всеобщая дозволенность приводит к гибели. Все сейчас выглядит так, что в своей стране мы чувствуем себя как гости. Я руководствовался только одним правилом, своим: куда бы ни приехал, говорил, чего хочу я, меня не интересовало, чего хотят остальные. Я действовал в своих интересах и интересах королевы. Если наши интересы не совпадали, я действовал сам. Всегда говорил на родном английском и просил оказывать мне те почести, которых заслуживал. Результат моих желаний и тех, кто их разделял, — вознесение языка королевы на мировой уровень. Теперь весь мир понимает, что я хочу сказать.

В очередной раз Мартин убедился в причастности своего родственника к колониальному строю Английской империи. Такие вещи было стыдно слышать, но гордость за таких людей, как Генри, взяла верх. Хотелось тоже быть великим капитаном, хотелось, чтобы тебя слушались и преклонялись. Он задумался, так как видел связь вседозволенности и жестокости, к которым привык капитан, следовательно, он мог дать себе волю и погубить ту несчастную.

Дождь шел целый день, нужно было как можно больше занять своего родственника, чтобы не выдать самого себя и заставить Генри забыть про покупку лопаты. В школе обошлось без проблем. Когда у одного из учеников появлялся вопрос, Мартин доступно объяснял, что нужно делать, а Генри повторял. Единственное, в чем заключалась проблема, были рисунки: дети то и дело просили дорисовывать за них жирафов и их родителей. Генри не умел рисовать, но не растерялся: посоветовал детям быть более самостоятельными, вступить во взрослую жизнь. Дети странно смотрели, когда разговаривал Генри: их учитель стал

— Меня любили и ненавидели, я приезжал всегда живой и с полными сундуками серебра и золота, заняться другим ремеслом не удавалось.

Они постояли возле дворца. Мистер Айсберг смотрел смену караула: ему нравилась эта смесь традиций в виде классической военной формы с современным оружием. Потом Генри купил цветы и возложил их к памятнику королевы Виктории. В парке Сент-Джеймс все казалось волшебным. Генри сказал, что сейчас он выглядит куда опрятнее. Покормив птиц хлебом, оба решили, что ненавидят голубей, — еще раз признались в этом друг к другу, но оба обожали воронов, так как они казались хитрыми и наглыми.

Пришли на вторую работу. В Национальной галерее Мартин попросил Генри вбить свои данные в компьютер: когда родился, где учился. Генри согласился, набрал свое имя — выскочила его скромная биография. Действительно, он принадлежал к роду Айсбергов, что было видно по фамилии капитана и по его биографии путешественника. Родился в 1862-м, учился, пропал без вести в 1915-м, детей нет.

— Как же ты погиб бездетным? Как теперь растолковать наше родство, ты мне годишься только в качестве дальнего родственника, не более того.

— Дети есть, но неофициально. Придется отправить тебя на остров, хочу один посмотреть на своих незаконнорожденных.

— Перед тем как ты меня отправишь куда-либо, ты должен объясниться. Объясниться, — повторил он еще раз.

Ему понравилось последнее слово. Мартин предъявил претензии своему родственнику, уличил его в убийстве и насилии, так как заметил грязь на его ботинках, — все факты указывали на него. Генри ответил, что ничего подобного он бы никогда не сделал, так как может, находясь даже в этом теле, заполучить многих женщин, а скоро это будет каждая, остальное — его личное дело. Таким образом Мартин вновь покинул собственные плечи и оказался на острове. Теперь он не сомневался, кто был Генри. Каким бы хорошим капитаном он ни был, вседозволенность непозволительна, это грех. Теперь придется ждать окончания дождя, когда тело снова будет принадлежать ему. Он боялся, что скоро поймают мистера Айсберга, чье имя Мартин, а не Генри. Обвинение в зверском убийстве наложит пожизненный позор на их семью. Нужно выбираться из собственного сознания до наступления темноты. Мартин бежал по камням, сшибал их, разнес могилу и разбросал по берегу: в могиле лежал скелет, но нельзя было сказать, кому он принадлежал. Возможно,

говорить на неслыханном акценте, учтиво и в то же время в императивном тоне. Класс видел в нем лидерские качества, но каждый ученик заметил хромящую походку, прямую военную осанку и глухой голос, заставляющий повиноваться. Теперь им даже в голову не приходило о чем-то его просить или прятаться у него в классе, если они не желали посещать другие уроки. В чертах лица читались высокомерие и снобизм — это Мартин видел в глазах учеников. Теперь все внимание было направлено на тело, носящее его имя. Раньше он никогда такого внимания добиться не мог.

Затем оба отправились гулять вокруг Букингемского дворца по Грин-парку и Сент-Джеймспарку. В Грин-парке было скучно: там не было воды, вот во дворе Букингемского дворца намного интереснее. Генри говорил, что был вхож в это место, всякий раз когда возвращался из путешествия.

он видел себя самого. Эта мысль привела Мартина в ступор: нужно было доказать себе, что это не так. Он стал сравнивать свой череп с черепом из могилы — они показались ему похожими. Затем он вспомнил, что у него дыра в затылке после падения с велосипеда, — здесь ее не было. Он успокоился, что в данный момент смотрит не на себя самого, и занервничал, поняв, что согрешил и потревожил чужой покой. Может ли это быть могила Генри? Он сам говорил, что провел здесь в спящем состоянии около ста лет. Может, моряки его похоронили, а душа вылетела из тела? Это была неизвестная могила с буквой А. На мгновение Мартин засмотрелся на вздымающийся к небу гейзер. Если теория верна, то высота его струи пропорциональна мыслительному процессу родственника. Взрывы происходили один за другим, постепенно стихая. Видимо, он узнал нечто о своих незаконнорожденных детях или уже убивает лопатой — как знать? Он обернулся, чтобы собрать могилу, но все уже стояло на своих местах.

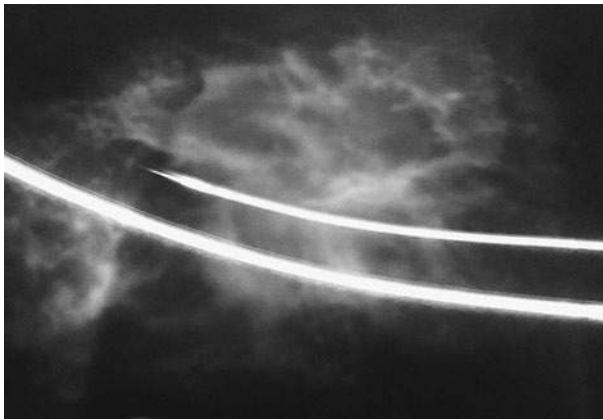
Он открыл глаза уже у себя дома в ванной. Дождь кончился, а в руках у него были старая лопата и грязные ботинки — видимо, соседи отдали: очиститься от грязи полностью так и не удалось. Мартин дочистил второй ботинок и спрятал лопату у себя в кладовой. Теперь нужно ждать новостей из полиции. Никто не поверит в его непричастность, даже если он скажет, что сумасшедший, скажет, что это был не он, а его родственник. Его можно будет поймать, ведь он чувствует себя виновным. Во-первых, убийство совершалось от его лица, во-вторых, он знал о попытке повторить содеянное. У него было предостаточно фактов того, что убийца он, а сам себя не сдал, значит, как минимум соучастник. Генри не появлялся, вызывать его не было смысла — он не признается, к врачу идти уже поздно, нужно ждать утра. Всю ночь Мартин провел в ожидании новостей перед телевизором. Когда он собирался идти спать, на кладбище зажегся свет, и ощущалась вибрация лопастей вертолета над его домом. Телевизор был выключен — напрасная трата электричества.

Вот и закончилась эра безмятежности в его жизни, скоро придется есть помои и сидеть в клетке с отвратительным для него человеком. Он ждал их, ждал, что сначала они вежливо постучатся, а он не откроет, ждал, что сразу ворвутся и положат на пол. Время тянулось, теперь каждая секунда была на вес прожитого года. За это время он успел понять, что жил не так, как хотел. Он хотел жить по-другому, хотел быть известным художником, уважаемым, любимцем в каждом доме, костром, у которого его друзья могли бы

погреться в лучах славы. Он мог бы принять бесчисленное множество поклонников, а потом жаловаться на отсутствие одиночества. Он понял, что копирование работ никогда не приносило ему удовлетворения — хотелось большего, а он боялся думать про некий серьезный шаг. Он вдруг понял, что не любит детей, ненавидит их сопли и их пренебрежение к его профессионализму. Всю жизнь он занимался самообманом, но чтобы признаться в этом, нужно было убить женщину лопатой прямо на кладбище? Он ненавидит всю свою жизнь и хочет ее изменить — например, сесть в тюрьму, после того как в суде его незаслуженно обвинят, а потом возненавидят, когда он будет неуклюже доказывать свою непричастность к содеянному, пеня на некоего родственника, посетившего его сознание. Он понял, что готов отказаться от всего, лишь бы иметь хоть какую-то перемену в жизни. Даже хорошо, что мозг его сгенерировал собственного родственника, понимая, как скучно живет хозяин. Он ждал их с нетерпением, слышал, что кто-то перезаряжает ружье среди всей этой какофонии звуков, создаваемой гулом вертолета. Единственное, по кому он будет скучать, — это по дочке, рождение которой искупило все его неудачи и грехи. Затем он увидел многочисленные софиты других прожекторов, приехали телевизионщики, значит, дом оцеплен давно, просто нужно было запечатлеть момент поимки преступника. Теперь он точно прославит свою фамилию на поколения вперед. Никто так и не входил к нему — чего они все медлили, чего ждали? Мартин включил телевизор — хотел увидеть свой арест в прямом эфире. Так ему стало известно об очередной жертве преступника. Сомнений в собственной невинности больше не было, но желание сдаться так и не пришло — пусть ищут.

Следующие несколько дней были солнечные, насильника не нашли, следов Генри тоже не было: он должен был теперь выжидать своего часа. Дожди обещали еще через два дня. Будет время подготовиться. Опять есть несколько вариантов: либо он идет в полицию, либо... Тут его осенило. Возможно, это вовсе не он, ведь вокруг него много странных персонажей. Возможно, это сумасшедший Рон. Наверняка он и есть тот убийца. Стоит сообщить полиции. Если ДНК не будет принадлежать парню из паба, то следователи хотя бы оценят его рвение помочь. Вскоре он сообщил полицейским, что стоит приглядеть за неким Роном, который если и не насильник, то пристально следит за остальными людьми.

Венди вернулась домой, поругала мужа, сказала, что он достопримечательность Лондона, на-

стоящий лодырь и странно, что живет все еще не на улице, а под крышей. Обвинять его в безделье было у них главной темой разговоров, но сегодня она посвятила этому гораздо меньше времени из-за резких жизненных перемен.

Вечером пошел очередной дождь, и со своим телом можно было попрощаться. Генри поздравился и отправил Мартина на остров. Душегуб вышел на свободу. На острове Мартин вспомнил одну интересную фразу, которую Генри обронил ранее. С острова можно было смотреть на реальный мир, но он забыл, как именно это делал. Он обошел весь остров вдоль и поперек — он знал это место лучше своего дома, все здесь было уже знакомо. Именно в этот момент он и задумался. Дома Венди знала каждый уголок их места обитания, но ее вечно мучила одна проблема: она теряла какую-нибудь вещь и не могла найти ее: залезала под все диваны и тумбочки, кричала и кидалась тарелками, изображая истерику. Венди не могла ничего найти до тех пор, пока Мартин не подходил и не указывал ей на столик в прихожей, где все это время лежала потерянная вещь и где Венди даже и не догадывалась искать ее. Точно так же происходило у него на чердаке: если терялась какая-то кисть или тряпка, нужно было раскидать в порыве отчаяния все вещи, залезть в портфолио, созданное еще до свадьбы, и ничего там не найти. И все это происходило до того момента, пока не приходила жена. Все потерянные вещи тут же находились: они тоже лежали прямо у него перед носом. Обоих это дико забавляло и раздражало одновременно. Теперь этот метод он применит, чтобы найти место, которое ему нужно. Для этого он должен почувствовать себя снова гостем. С чего начать? Первым делом он оглядел окрестности и подошел поближе к вершине, где находился кратер с гейзером. Сделал очередной круг, стараясь смотреть на все глазами первопроходца, ожидая под каждым камнем

какую-нибудь ловушку. Действительно, эффект был: остров теперь казался более живым, камни — мягкими, от этого появилось ощущение, что остров этот есть нечто живое, как большая мозговая клетка, где гейзер был мостом в другое измерение. Вот оно, гейзер есть мост в реальный мир — вот что говорил ему Генри. Он мог следить за Мартином, стоя на вершине кратера. Он побегал на вершину — как раз произошел очередной взрыв, и кипучая слизь попала ему на лицо. Боли не было, но кожа должна была пострадать. Ему захотелось посмотреть на свое отражение из глубины кратера, где бурлила грязевая жидкость. Мартин не увидел собственного отражения, вместо этого он увидел себя в реальном мире.

Мост был найден, через него было видно, как Генри орудует лопатой. Он копал могилу, она была очень глубокой, глубже обычной. Свет был тусклый, звуков не было слышно, но вдруг Генри остановился: чувствовалось его смятение. Произошел взрыв гейзера, раскаленный поток попал прямо ему в лицо, отбросив его тело в сторону. Видимо, гейзер и есть вылетевшая эмоция или мысль, а ее сила определяется высотой струи. Копая могилу, Генри явно сделал какое-то открытие — видимо, какой-то новый закон в физике, так как Мартин смог открыть глаза уже лежа у самого берега: камни были все запачканы кровью. Он посмотрел в воду, но в отражении было уже чистое лицо, без царапин. Видимо, здесь он пролежал достаточно времени, чтобы все снова зажило.

Он снова подобрался к жерлу гейзера и сквозь дым начал разглядывать самого себя. Теперь Генри плелся с каким-то черным мусорным мешком по кладбищу. Скорее всего, это были части очередной жертвы. Самое ужасное, что винить будут его, Мартина, а Генри останется безнаказанным. Генри шел не спеша, полный спокойствия — это хладнокровие обезоруживало, особенно если осознавать, что и в его жилах текла его кровь. Наблюдая такую картину, он твердо решил сдать полицию. Пусть скажут, что он ненормальный, но это должно прекратиться, даже если придется жертвовать своей свободой и обрекать семью на пожизненный позор. Есть и другой выход — самоубийство. Такая жертва делает его человеком, обделенным судьбой, главное — написать соответствующую записку. Можно повеситься, объяснив это тем, что не смог выстоять против целого ряда жизненных неудач, поэтому решил попытаться удачи на небесах. Это будет выглядеть как записка неудачника. Если уходить, то красиво, во имя убеждений. Например, встать напротив японского посольства и сжечь себя во имя спасения китов или

совершить хакарири напротив госпиталя, специализирующегося на абортах. Такой конец избавит его от славы душегуба, а общественность называет его последним героем. Люди будут приносить цветы на место его гибели, а вскоре наберут и на настоящий памятник, у которого вся королевская семья почитает его память пламенной речью и дети выпустят белых голубей. Это единственный выход не только сохранить честь, но и стать бессмертным. Этот остров был прекрасным тренажерным залом для самоубийства. Здесь он тоже был бессмертным: можно было окунать руки в гейзер и биться головой о скалы. Сквозь грязный пар было видно, что Генри остановился и присел на корточки, оглядываясь по сторонам. Если полиция вышла на него, значит, он получит вечное бесславие, а если это женщина, значит, станет свидетелем расправы. Мартин отошел от кратера: он не хотел знать, что с ним будет происходить. Он не мог найти себе места: ходил вокруг кратера, который поднимался от смены настроения Генри. Мартин решил броситься прямо в жерло кратера, в кипящую массу, позволив телу свариться заживо. Сделав шаг, он открыл глаза и понял, что сидит на шее у Генри.

* * *

Взору открылась следующая картина: на земле лежали девушка в разодранном платье и мужчина с битой для крикета. Лицо девушки выражало смертельный испуг, она тяжело дышала. Мужчина лежал неподвижно, на его лице выделялись смертельные удары лопатой. Генри и незнакомка смотрели друг на друга некоторое время — по-видимому, свидание спортсмена и его возлюбленной было прервано этим зверем, девушка была настолько напугана, что ничего не могла сказать от страха.

— Смилуйся, Генри, пожалуйста, не тронь ее, не делай этого, дай ей уйти. Пожалуйста, просто убегай, убегай отсюда, ты дьявол.

— Ты не видела меня, ничего не было, вставай и уходи, куда шла, — велел Генри незнакомке.

Незнакомка раз пятнадцать подряд покивала головой и убежала.

— Ты зверь, моральный уродец, ты думал, я не догадывался, что все это время убийства совершал именно ты, думал, что действительно всех обхитрил?

— Вижу, ты наконец догадался.

— Я давно догадался, с самого начала. Ты прячешь меня на забытом острове, а сам на могилах женщин мучаешь. Я догадался сразу, просто хотел верить тебе.

— Ты наконец догадался, как с него сбежать и очутиться снова здесь, но ты меня совсем не знаешь. Я прятал тебя для того, чтобы ты не проболтался, не рассказал кому-нибудь о том, куда ходят твои ноги во время дождя.

— Скажи, зачем, зачем ты их убивал, ведь у тебя получалось затаскивать женщин в постель, но зачем всех калечить, зачем разрушать чужие жизни?

— Я никого не убивал, кроме него. — Генри указал черенком лопаты на мужчину.

— Ты убил ее любимого! — прокричал сквозь слезы Мартин. — Ты убиваешь и насилуешь от моего имени, ты это понимаешь? Мне отвечать за твои грехи, мне искупать вину, будут винить Мартина Айсберга, а не вымышленного капитана, родственника из прошлого.

— На кладбище я занимался совершенно другими вещами, я пытаюсь спасти нас, я тебе нужен. Теперь объясни, почему маньяком ты считаешь меня, а не лежащего рядом? Разве ты не видел, что здесь происходило? Перед тем как прыгнуть, ты должен был узнать, что можно наблюдать за этим миром через кратер.

— Я знал, но что произошло, не видел, мне достаточно доказательств. Нужно ботинки чистить от грязи, которую в Лондоне можно найти лишь на кладбищах или в парках. Жертв убивали тупым предметом — точное описание лопаты у тебя в руках. А еще я увидел, как ты рыл могилу, чтобы избавиться от расчлененного трупа, который ты аккуратно положил в мешок. Извини, что помешал тебе.

— Ты не видишь всю картину целиком, не замечаешь деталей — как копиисту это непростительно. Я действительно не был с тобой полностью откровенным. Все это время я ходил по кладбищам и искал драгоценности, которые лежали в могилах Айсбергов: в некоторых было пусто, других больше не существует — вместо них стоят дома или проложены дороги. Я положил их туда на черный день, но посмотрел на тебя и понял, что тебе они нужнее: твоя жизнь — сплошное черное пятно. Так что в мешке у меня мои драгоценности из далеких стран.

Он открыл мешок: там лежало множество драгоценностей: ожерелья и кольца из серебра и золота, тарелки и чайники с иероглифами.

— Значит, ты ничего такого не совершал и никому не причинил вреда?

— Кроме этого негодяя. Я услышал шум и крики. Там стоял он и раздирал ее одежду. Я подошел сзади и нашел лопате другое применение. Потом появился ты. Единственное обвинение, которое нам могут предъявить, — это расхищение могил, однако все они выглядят нетронутыми.

— А убийство маньяка?

— Мы обо всем договорились с этой девушкой, ведь мы ее спасли — другого решения проблемы не было, все будет в порядке.

Чувства вины более не ощущалось — этот груз ответственности более не преследовал его. Скорее наоборот, появилось чувство гордости за самого себя и за героического родственника, который от чистого сердца желает ему добра. Мартину пришлось извиниться: он не знал намерений Генри, не знал, что он всего лишь хотел отгородить его от такой странной картины, как раскапывание могил собственных родственников. К тому же он не знал, что их останки разбросаны по всему городу. С другой стороны, Генри понимал, что такое поведение действительно вызывало массу подозрений, поэтому тоже извинился. И все-таки Мартин задумался. Его совесть была чиста, как глаза его дочери, но одна мысль не выходила у него из головы: получается, Генри действительно убил человека, неважно, священника или такого, как он. Было ли у него такое право — забирать чужую жизнь, даже в такой ситуации? Нужно было

избавиться от лопаты, теперь это действительно было оружие преступления, такое же, как у сильника бита для крикета. Оказывается, это кладбище находилось на другом конце города, а Генри ходит под дождем ночью с мешком, набитым драгоценностями, — у любого появятся сомнения, кто-то может вызвать полицию. Лопата была выброшена в Темзу, а что делать с пакетом, было неясно. В это время все магазины и ломбарды закрыты. Что делать, придумал Генри. В этот поздний час Айсберги набрели на казино.

В казино они обратились к главному менеджеру. Генри хотел узнать, можно ли оставить свой мешок здесь на один день. Менеджер осмотрел содержимое и согласился, попросив их вежливо подождать. Вернувшись, менеджер попросил гостя пройти наверх, к хозяину заведения. Тот поставил ультиматум: либо они уходят отсюда со своим мешком и их находит полиция, либо он забирает содержимое мешка, а взамен дает им фишек на двадцать пять тысяч фунтов. Потом они немного поиграют. Такая сумма устроила обоих. Мартин считал это разумным выходом из ситуации: они поиграют немного, поставят немного на кон и уйдут. Но Генри был с ним недостаточно откровенен: он оказался азартным человеком. Игра затянулась, Генри не слышал советов и продолжал повышать ставки. Он ставил всякий раз на черное, но каждый раз выпадало красное — десять раз подряд. Выложив последние десять тысяч, Генри хотел поставить в очередной раз на черное, полагая, что выиграет. Вмешалась погода: дождь прекратился, и ставками уже распорядился Мартин. Он вовремя прекратил игру и просто смотрел, как в очередной раз выпадает красное. Вздохнув с облегчением, они собрали оставшиеся деньги и пошли по уже утренним улочкам прямо на работу. Мартин не мог ругать хозяина своих сокровищ: в конце концов, он тратил свои, выкопанные деньги.

В новостях передавали про зверское убийство на кладбище...

* * *

Оставшаяся сумма сулила его семье беспечную жизнь на какое-то время. Казалось, что можно жить вдвоем в одном теле довольно долго. Возможно ли такая жизнь, можно ли найти общий язык? После работы Генри вспомнил еще об одном тайнике, а Мартин — о дальней родственнице, и тайник и родственница находились в Индии...

Продолжение следует.